

ЛЕВ САМОЙЛОВ
БОРИС СКОРБИН
ВИКТОР СМЕРНОВ

ТАИНСТВЕННЫЙ ПАССАЖИР
НОЧНОЙ МОТОЦИКЛИСТ
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Виктор Смирнов

**Таинственный пассажир.
Ночной мотоциклист**

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Смирнов В. В.

Таинственный пассажир. Ночной мотоциклист / В. В. Смирнов —
«Алисторус», 2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-704-5

В эту книгу вошли две приключенческие повести из золотого фонда советского детектива. Иностранные шпионы ведут охоту за чертежами и записями профессора Савельева – автора проекта сверхскоростного глубоководного корабля. Чтобы предотвратить трагедию, советским контрразведчикам предстоит, пробираясь по запутанному следу, разгадать тайну таинственного пассажира... В повести «Ночной мотоциклист» майор Павел Старшина расследует сложное и запутанное дело – убийство инженера Осеева, бывшего узника гитлеровского концлагеря. Военный след приведет наших героев к разоблачению пособника гитлеровцев, который столько лет действовал под маской добропорядочного гражданина. Сюжет повести стал основой одноименного кинофильма.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-704-5

© Смирнов В. В., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Лев Самойлов, Борис Скорбин	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	19
Глава V	24
Глава VI	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Самойлов Лев Самойлович,
Скорбин Борис Петрович
Таинственный пассажир
Самойлов Лев Самойлович
Ночной мотоциклист**

© Самойлов Л.С., правообладатели, 2026

© Скобрин Б.П., правообладатели, 2026

© Смирнов В.В., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Лев Самойлов, Борис Скорбин Таинственный пассажир

Глава I Где материалы профессора Савельева?

Один за другим прозвучали с приглушенным звоном четыре удара, и все невольно повернули головы к часам. Большие, массивные, они стояли в углу кабинета и были похожи издали на узкий полированный шкаф со стеклянной дверцей. Взглянул на них и заместитель министра. – Уже четыре часа! Совещание затянулось, а в пять его ждет министр. Пора!..

Заместитель министра аккуратно сложил в папку лежащие на столе бумаги, сделал какие-то пометки в блокноте и постучал карандашом по столу.

– Итак, обмен мнениями можно считать законченным, – сказал он, обводя всех присутствующих внимательным взглядом. – Разрешите доложить министру общий единодушный вывод членов научно-технического совета: правительственное задание может быть выполнено и будет выполнено в установленный срок и даже раньше срока. Наша страна получит сверх-скоростной подводный корабль.

Сидевший неподалеку на диване пожилой мужчина в больших роговых очках негромко кашлянул и чуть заметно пожал плечами. Этот жест не ускользнул от взгляда заместителя министра.

– ...Сомнение и замечания академика Кострова, конечно, имеют под собой почву, – продолжал он. – Постройка первого, опытного образца корабля задерживается из-за того, что пока

еще не решены многие сложные технические проблемы. Но из этого следует только один вывод: все проблемы должны быть решены. Когда? Чем скорее, тем лучше. Кем? Нами. Силами наших ученых, инженеров, конструкторов. В том числе и коллективом лаборатории, которой ныне руководит академик Костров.

Пожилой мужчина в роговых очках наклонил голову: это означало, что, конечно, он согласен, будет сделано все возможное, но... не все желаемое быстро становится действительностью. Впереди много трудностей. Именно о них академик и считал своим долгом доложить здесь пятнадцать минут назад.

Заместитель министра сел, еще раз оглядел всех присутствующих и тихо сказал:

– Очень жаль, дорогие товарищи, что с нами нет профессора Савельева. Мне не довелось лично быть знакомым с ним, но я много слышал о его интересных и смелых опытах, о его попытках сконструировать глубоководный скоростной корабль... Правда, эти искания, эти эксперименты носили чисто лабораторный характер, но все-таки уже тогда... – Он оборвал фразу на полуслове, секунду помолчал и добавил с грустью: – Савельев погиб. Трагически погиб. Позднее нам стало известно, что перед смертью он уничтожил все свои расчеты и важнейшее оборудование лаборатории. Советский ученый не захотел, чтобы его трудами воспользовался враг.

...Да, имя профессора Савельева было известно многим членам научно-технического совета. Один были знакомы с ним лично, другие знали его по книгам, выступлениям, теоретическим статьям в научных журналах. Невысокого роста, сухонький, подвижной старик, с живыми, веселыми глазами и седой шевелюрой, он, казалось, был заряжен неиссякаемой энергией. Отличный судостроитель с богатым практическим опытом, Савельев часто «будоражил начальство» оригинальными идеями, рискованными экспериментами, испытаниями новых моделей, сделанных собственными руками. Многие из его предложений вызывали сомнения, споры, длительные дискуссии. Савельев не всегда оказывался победителем, но неудачи не обескураживали его. Он вновь садился за расчеты и чертежи, конструировал, переделывал, неделями и месяцами не выходил из лаборатории. В такие дни профессора никакими силами нельзя было вытянуть на очередное заседание, уговорить выступить с лекцией или принять для беседы корреспондента газеты.

– Меня нет! – решительно отвечал он на все просьбы. – Сейчас – я часовой на посту. Разговаривать не имею права. Все!

На этом обычно заканчивалась «содержательная беседа», как иронически называл такие переговоры ученик и ближайший помощник Савельева, хранитель всех чертежей и расчетов, инженер Габуня.

В 1940 году Савельев увлекся новой идеей. Он считал, что пришло время создать сверхскоростной подводный корабль, который мог бы в кратчайшие сроки, при минимальных запасах топлива или даже без них преодолевать под водой, на любых глубинах, огромные расстояния. В осуществлении этой смелой идеи ученый видел еще одну победу науки и техники над силами природы. В минуты отдыха, полушутя, полусерьезно, он говорил своим ученикам:

– Вот построим этот кораблик – тогда попутешествуем! Махнем, как мечтал Чкалов, вокруг шарика... только не на самолете, а под водой. Пусть все поглядят, на что способны мы, советские люди!

Министерство поддержало идею ученого-патриота, и ему были созданы все необходимые условия для новой работы. Двери небольшого домика-лаборатории, расположенного на одной из тихих улиц портового и курортного города Черноморска, надолго закрылись за профессором и Габунией. Вход в белое здание лаборатории и опытной мастерской был недоступен для посторонних.

С утра до позднего вечера трудились ученые. Но зато сколь приятны и радостны были короткие часы их отдыха.

– Пауза! – кричал Савельев. – Отдыхать, купаться, загорать! Слушать мою команду!

Старик первым добегал до пляжа, раздевался и бросался в воду. Фыркая и отдуваясь, он плыл навстречу морским волнам, лениво накатывавшимся на берег. Его примеру следовал Габуня. И глядя на них со стороны, трудно было предположить, что всего несколько минут назад они были заняты большой и трудной работой, которая в официальной отчетности в интересах сохранения государственной тайны обозначалась условным термином «Модель».

Поздними вечерами, перед сном, в обществе Габуньи и «подруги жизни» – так обычно величалась супруга профессора Анна Герасимовна Савельева – старик любил помечтать.

Теплая южная ночь, бесшумно накрывшая землю, море и горы, наполнена неуловимым движением, шорохами, чуть слышными звуками. Казалось, тонко и протяжно звенят невидимые струны, которых едва касаются своими крылышками ночные бабочки, мошки, светлячки. Огонек папиросы профессора тоже похож на одного из таких светлячков, а трубка Габуньи, когда он раздувал ее, светится маленьким костериком, неизвестно откуда появившимся в воздухе.

Голос Савельева звучал спокойно и несколько Торжественно:

– Да, друзья мои, – говорил он, глядя куда-то вдаль, в темноту ночи, – как жаль, что жизнь нельзя повторить сначала. Я часто думаю о будущем. Да, о будущем! Чертовски хочется побывать в далеком завтра, когда наука и техника шагнут настолько вперед, что наши нынешние достижения покажутся детским лепетом.

Он описывал в воздухе папиросой кривую линию и через секунду продолжал:

– Как только человечество научится легко, быстро и без огромных затрат расщеплять атом и использовать атомную энергию, оно совершит гигантский прыжок в будущее. Это будет такая революция в технике, какой еще не было и не могло быть в истории человечества.

– Тогда же решится проблема топлива и для нашего подводника, – отзывался Габуня, попыхивая трубкой. – А мы сейчас бьемся, бьемся...

– А что же, Георгий, прикажешь сидеть сложа руки и ждать, пока наступит это завтра? – ворчливо гудел Савельев. – Нет, дорогой, ждать нам никак нельзя.

Такие споры обычно прерывала Анна Герасимовна, строго следившая за режимом своего «большого ребенка».

– Хватит вам, полуночники, – говорила она. – Спать пора! Завтра чуть свет опять за работу!..

Великая Отечественная война застала Савельевых и Габуню в Черноморске. Что произошло потом – никто точно не знал. Было известно только, что Савельев погиб, успев уничтожить перед смертью часть оборудования лаборатории, модели и все материалы, над которыми работал. Погиб и Габуня.

...Всего этого заместитель министра не сказал членам научно-технического совета. Да, пожалуй, в этом и не было нужды. Каждый понимал, что гибель Савельева не должна задерживать выполнение правительственного задания. Поэтому слова председательствующего: «Правительство надеется, что наши ученые и конструкторы продолжат работы, начатые Савельевым, и доведут их до успешного результата» – были с одобрением приняты всеми.

– Разрешите вопрос, – поднялся со своего места один из участников совещания. – Значит, окончательно установлено, что все материалы, над которыми работал профессор Савельев, погибли?

Заместитель министра секунду помолчал, словно обдумывая что-то, затем ответил – медленно, с расстановкой, подбирая слова:

– Я затрудняюсь вам ответить. Это – вне компетенции нашего министерства.

...Совещание закончилось. Через минуту большой вместительный кабинет опустел. В нем остались только два человека: заместитель министра и один из присутствовавших на сове-

пани. Все время он молча сидел в глубине кабинета возле стеклянного книжного шкафа и, казалось, с интересом разглядывал корешки книг с золотым тиснением и узорами.

Это был невысокий, чуть выше среднего роста, мужчина лет сорока пяти, с широким, почти скуластым, открытым и приятным лицом. В еще густых, зачесанных назад волосах уже была заметна седина, особенно на висках. Плотную, начавшую полнеть фигуру облегал светлый костюм; из-под пиджака, застегнутого на все пуговицы, выглядывали кремовая шелковая рубашка и темнокрасный галстук.

Внешне этот человек чем-то неуловимым отличался от ученых и конструкторов, только что ушедших отсюда; никому, кроме заместителя министра, он не был известен. Некоторые участники совещания, взглянув на него и заметив небольшой блокнот и автоматическую ручку, принимали его за корреспондента, представителя одной из центральных газет. Корреспонденты были частыми гостями в министерстве.

Сейчас мужчина стоял рядом с заместителем министра, который взглядом попросил его остаться. В кабинет заглянул секретарь, но, увидев постороннего, поспешно закрыл дверь.

– Итак, товарищ полковник, – сказал заместитель министра, – последний вопрос относился уже к вам. Что я мог ответить?.. Нечто весьма неопределенное...

– Упрек принимаю, Анатолий Иванович. Но что поделаешь!.. Пока ничем порадовать не могу.

– Это не упрек, а сожаление. Жаль, очень жаль, Сергей Сергеевич... Сами понимаете, во время войны и сразу же после нее у нас не было возможности продолжать эту важную работу. Накопилось много других, первоочередных заданий. Просто руки не доходили... Но теперь пришло время, и материалы профессора Савельева нам очень быгодились... Ну, что же, каждый из нас будет заниматься своим делом... Мы будем изобретать и строить. А вы... – Заместитель министра улыбнулся, и в глазах его мелькнул лукавый огонек... – А вы, как, надеетесь на успех?..

Сергей Сергеевич пожал плечами.

– Наше дело, как вам известно, трудновато планировать...

– И все-таки?

Сергей Сергеевич помолчал и неожиданно задал вопрос:

– Скажите, Анатолий Иванович, ведь во время войны вы, кажется, были членом Военного совета армии?

– Да, был. – Заместитель министра с удивлением посмотрел на полковника. – Рекомендуюсь: генерал-майор запаса. Но какое это имеет отношение к нашему разговору?

– Непосредственное, товарищ генерал. Как человек военный вы знаете, что бой – самое большое испытание физических и моральных качеств воина. Идя в бой, воин обязан всеми силами стремиться победить врага, верить в победу, не щадить ни усилий, ни крови, ни самого себя.

– Гм... Гм... – заместитель министра вопросительным взглядом окинул полковника. – Все это правильно, но... из ваших слов следует, что вы предвидите бой и встречу с врагом? Не так ли?

– Возможно.

– Так вот, оказывается, какое дело!.. Ну что же, вам виднее... Однако, товарищ Дымов, важнейшее условие победы – знание врага.

– Вы правы, Анатолий Иванович, но в тех боях, которые мы ведем, – Сергей Сергеевич подчеркнул последние два слова, – это не всегда удается. – Подумав, он добавил: – Фронтовой опыт учит, что главное – разгадать тактику врага, а разгадав, – бить там и тогда, когда он этого не ожидает.

– Понимаю, Сергей Сергеевич, понимаю и... о подробностях не расспрашиваю. От души желаю успеха, полного успеха!

– Благодарю, Анатолий Иванович! Будем держать вас в курсе событий.
Заместитель министра кивнул головой и протянул на прощанье руку.
– Прошу... если возможно, конечно...
Снова прозвучали часы. Один, два, три, четыре, пять.
Пора! Министр уже ждал.

Глава II

«Малыш» пересекает Босфор

Асфальтированное шоссе усажено высокими, но сухими и чахлыми деревьями. Часовыми стоят они на равном расстоянии друг от друга, безмолвно наблюдая, как бесшумно мчатся легковые автомобили, громяхают автобусы и грузовики, с треском проносятся мотоциклы с колясками.

Обычное американское шоссе с многочисленными бензиновыми колонками, киосками, продающими кока-кола, бесконечными рекламами, со всем тем, что американцы коротко называют «сервис»¹.

В стороне от этого пропахшего бензином и гарью шоссе, невидимый издали, укрытый каштановыми деревьями, стоит двухэтажный особняк ничем не примечательного вида. Небольшая покрытая гравием дорожка, словно узенький мостик, соединяет магистраль с защищенным зеленью домом. Ровная, аккуратно утрамбованная, эта дорожка упирается в высокие чугунные ворота.

Массивность ворот никак не гармонирует с идиллическим видом особняка, такого обычного в этих местах. Однако даже самый поверхностный осмотр убеждает, что первое впечатление от этой загородной усадьбы обманчиво. За темнозеленой стеной каштанов находится другая стена – каменная, непроницаемая. Она как броней окружает дом, отделяет его от внешнего мира, превращает в крепость.

Здесь, в десяти километрах от многомиллионного города, расквартирован один из важнейших отделов Разведывательного управления – отдел «Х».

...Черный лакированный «Роллс-Ройс» свернул с шоссе и, шурша шинами о гравий, тихо подкатил к особняку. Два глухих, похожих на лай, гудка сирены, и машина почти неслышно въехала в открывшиеся ворота.

Внутренность особняка не имела ничего общего с его наружным дачным видом. Сразу же за небольшим холлом, обставленным с предельной скромностью (несколько стульев, два плетеных кресла, круглый стол), начинается узкий длинный коридор. По обеим сторонам коридора расположены кабинеты старших офицеров отдела «Х». На узких дверях – эмалированные таблички с цифрами. В конце коридора на стене – такая же эмалированная табличка с белой стрелкой, направленной острием вверх, на второй этаж. Там – комнаты обслуживающего и вспомогательного персонала, шифровального бюро, радио и телестанции.

Коридор освещается несильными матовыми лампами, скрытыми за большими плафонами у самого потолка.

Цветная ковровая дорожка, растянутая во всю длину коридора, плотная обивка стен и дверей скрадывают и заглушают шумы. Кругом царит тишина – ничем не нарушаемая и почти осязаемая.

Человек, вышедший из машины, был высокого роста и слегка сутуловат. Он шел не торопясь, шаркая ногами, держа в руке объемистый желтый портфель. В холле навстречу ему поднялся мужчина в сером коверкотовом костюме. Мужчина по-военному щелкнул каблуками, вытянул руки по швам и, стоял так до тех пор, пока за вновь прибывшим не захлопнулась дверь одного из кабинетов. Тогда мужчина опять сел, откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, и его челюсти снова занялись жевательной резинкой.

¹ Обслуживание (англ.).

Начальник отдела «Х» вице-адмирал Артур Годвин не отличался многословием. Вот и сейчас, закрыв дверь своего кабинета, он вызвал секретаря, поздоровался с ним кивком головы и произнес только одно слово: – Смайльса!

Когда секретарь вышел, так же неслышно, как и вошел, Годвин грузно опустился в кресло возле массивного письменного стола, скрестил пальцы обеих рук и пристальным, почти немигающим взглядом уставился на дверь.

Он напоминал нахохлившуюся птицу. Удлиненное овальной формы лицо, тонкие бескровные губы, острый, хрящеватый нос, впалые щеки и выпуклые, словно удивленные, серо-зеленого цвета глаза создавали неуловимое сходство с хищником из семейства пернатых.

Артур Годвин! Он был талантливым разведчиком и этой профессии посвятил всю свою жизнь. Здесь, в тиши своего кабинета, он вынашивал и создавал хитроумные планы, по которым в разных точках земного шара действовала многочисленная агентура отдела «Х»: шпионы и диверсанты, наемные убийцы и отравители, «рыцари плаща и кинжала». И трудно сказать, чего больше боялись эти отчаянные люди: провала на «работе» или тяжелого взгляда серозеленых глаз шефа.

...Через минуту в кабинет вошел, вернее вкатился, Смайльс. Смайльс являлся прямой противоположностью своему начальнику. Невысокий, приземистый, с небольшим брюшком, с короткими ручками и ножками, он всегда был добродушно настроен, с его пухлого красного лица никогда не сходила улыбка. Там, где он появлялся, всегда звучал смех. Любитель хорошо покушать и славно выпить, он чем-то отдаленно напоминал добродушного мистера Пиквика из классического произведения Чарльза Диккенса. И только слегка заплывшие глаза Смайльса были похожи на колючие и злые глаза маленькой, но ядовитой змеи.

Артур Годвин дорожил Смайльсом, хотя и считал его плебеем и циником. Многолетняя совместная служба вначале в ФБР, затем, в Разведывательном управлении выработала между ними идеальные деловые взаимоотношения. Они как бы дополняли друг друга. Если Годвин (он горделиво называл себя разведчиком-философом), исполняя волю хозяев, затевал темную путаную игру на Востоке или в Европе, если он забрасывал своих людей в самый отдаленный уголок земного шара, Смайльс немедленно включался в сложную партию, разыгрываемую его шефом. Если по ходу этой партии требовалось выполнить самую грязную, самую черную «работу», Смайльс принимался за дело и быстро подготавливал все необходимое. Удар ножом, выстрел из-за угла, шантаж, провокация, диверсия... Смайльс был изворотлив, изобретателен и не брезговал ничем.

Так выглядели руководители отдела «Х».

Войдя в кабинет и увидев, что Годвин вопросительно смотрит на него, Смайльс кивнул головой, словно давал понять, что все в порядке. Он неторопливо прошел вглубь кабинета, бесцеремонно уселся на край стола, закурил сигарету и после продолжительной паузы заговорил высоким, почти женским голосом.

– Все в порядке, дорогой шеф! Сейчас наш мальчик, – Смайльс посмотрел на ручные часы, – да, именно сейчас «Малыш» пересекает Босфор.

– Вы уверены в этом?

Годвин говорил очень медленно, отчетливо произнося каждое слово, каждый звук.

– Как в самом себе! Час назад мне радировали с борта «Виргинии». Содержание телеграммы? Извольте, сэр: «„Малыш“ здоров. Все в порядке. Капитан».

– Отлично, Смайльс, отлично! – Артур Годвин потер ладони, и на его хмуром лице промелькнуло нечто похожее на улыбку.

– Пока все идет по расписанию, это очень важно. В нашем деле, Смайльс...

– В нашем деле аккуратность сопутствует успеху. Вы это хотели сказать, сэр?

Артур Годвин удовлетворенно кивнул головой. Чертовски хорошо, когда тебя понимают с полуслова.

На какое-то мгновение в кабинете воцарилось молчание.

– Кстати, Смайльс, вам это также не мешает знать: сегодня в морском министерстве мне дали понять, что в случае успешного выполнения задания...

– Дорогой сэр! – почтительно и в то же время слегка фамильярно перебил вице-адмирала Смайльс. – Лично для себя я уже решил: весь гонорар по этому делу я вложу в акции Бильд-компани. Я внимательно слежу за биржевыми бюллетенями. Акции Бильд-компани неизменно повышаются. Рекомендую вам сделать то же самое, сэр!

Годвин раздраженно махнул рукой, вышел из-за стола и, сутулясь больше обычного, зашаркал по кабинету.

– Черт подери ваш оптимизм, Смайльс! Вы говорите так, как будто материал у вас в кармане. Вы не отдаете себе отчета в тех трудностях, которые предстоит преодолеть «Малышу».

Смайльс, насупив брови, несколько секунд молча смотрел на патрона, шагавшего из угла в угол.

– Маршрут разработан до мельчайших подробностей. Учтены все трудности, сэр, – сказал он с обидой в голосе, – все, до одной. Я их даже пронумеровал – от первой до последней. Поверьте, сэр, они не так велики и не так опасны, как это вам кажется. Кстати, такое мнение разделяет и сам «Малыш».

Внезапно Смайльс громко расхохотался.

– Простите, сэр, мне пришла на память забавная деталь... Последние десять дней перед своим отъездом «Малыш» усиленно читал русских писателей. Он уверял меня, что это чтение поможет ему лучше узнать русскую душу.

Вице-адмирал Артур Годвин ничего не ответил своему помощнику. Он еще раз прошелся по кабинету, шагнул к стене и, отодвинув тяжелую портьеру, принялся внимательно разглядывать большую географическую карту. Его глаза проследили – в какой уже раз! – весь путь до южных портов Советского Союза. Потом он на секунду прикрыл глаза и медленно произнес:

– «Малыш» прав. Так надо работать, Смайльс! Именно так. Тогда мы избавимся от многих наших неудач и провалов.

Смайльс улыбнулся. Он был доволен этой косвенной похвалой шефа.

– Как вам известно, сэр, – сказал он не без гордости, – в нашей картотеке «Малыш» значится агентом номер один. Он не подведет!..

Глава III

Гипотезы Полковника Дымова

– Не Подмосковье, а джунгли, честное слово, джунгли! Заплутаться в два счета можно! – Низенький пожилой мужчина в серой полосатой пижаме, в тапочках на босую ногу, остановился на маленькой лесной полянке и огляделся. – Сергей Сергеевич, где вы?

– Здесь! – откликнулся Дымов, появляясь из-за деревьев. Он тоже был одет по-домашнему: в тенниске, пижамных штанах, широкополой соломенной шляпе и спортивных тапочках. В руках он держал небольшую плетеную кошелку, из которой виднелась стеклянная банка из-под варенья.

– Не отставайте, а то потеряем друг друга! – сказал мужчина в полосатой пижаме. – Без вашей помощи я из этих уссурийских дебрей ни за что не выберусь.

– Не беспокойтесь, Антон Яковлевич! Не заплутаемся. Да вы посмотрите, какая прелесть!..

Вокруг краснели кустики земляники. Большие спелые ягоды, освещенные лучами солнца, омытые утренней росой, были словно чьей-то щедрой рукой густо рассыпаны на земле среди буйно разросшейся травы.

– Вот они, дары природы! – довольно проговорил Антон Яковлевич и опустился на землю.

– Вот видите! – обрадованно воскликнул Сергей Сергеевич и тоже опустился на колени. – А ну, кто больше...

Собирая землянику, Антон Яковлевич наткнулся на мухомор – тонкий, высокий, с нарядной красной шляпкой, усеянной, как блестками, белыми крапинками.

– Извольте видеть... Ждали его... вылез! – недовольно сказал Антон Яковлевич, показывая на гриб. – И чего только природа не придумает: красивый, нарядный, а дрянь ядовитая.

– Это уж из нашей области, – сказал Дымов, разглядывая мухомор. – Поглядишь на иного – блестит, сияет, а заглянешь внутрь – весь червивый, чужой. И с ядом!..

Антон Яковлевич сел на траву и большим носовым платком вытер вспотевшее лицо.

– Мы с вами, кажется, договорились, – притворно сердито сказал он, – в выходные дни служебных разговоров не заводить.

– Договорились, – согласился Дымов. – Но какой же это служебный разговор? Небольшая аналогия... осмысливание некоторых фактов... рассуждения вслух.

– Ладно, ладно, философ! – проворчал Антон Яковлевич. – Банка, небось, еще пустая?

– Заполняется!

Сергей Сергеевич снова, передвигаясь на коленях, начал собирать «дары природы». Через минуту он оглянулся и увидел, что Антон Яковлевич сидит на месте в той же позе, рассеянно вертя мухомор, и на лице его – выражение сосредоточенного раздумья.

– ...Конечно, статья Лидснея в журнале «Сайенс»², опубликована неспроста, – медленно заговорил Антон Яковлевич. – Ведь вот этот мухомор вылез на свет божий и словно оповестил – внимание, грибной сезон не за горами!

Сергей Сергеевич молча смотрел на спутника.

– Я это к чему... – продолжал Антон Яковлевич. – Статья в «Сайенсе» весьма прозрачно намекает, что ключ к получению материалов, могущих решить проблему постройки глубоководного скоростного корабля, у них в руках.

² «Наука» (англ.).

Сейчас задача в том, как воспользоваться этим ключом. Это, дорогой мой, не научная статья... Тут прицел иной. О предстоящем научном открытии или изобретении так не говорят и не пишут. Здесь больше похоже на то, что эти господа присвоили чужой ключ от чужого замка, но еще не знают, как к этому замку подобраться.

Сергей Сергеевич встал, отряхнул колени и подошел поближе.

– А если учесть то обстоятельство, – продолжил он мысль спутника, – что Гарольд Лидсней – один из немногих журналистов, близких к Си-Ай-Эй³, то получается...

– Получается, товарищ полковник, – усмехаясь, прервал Антон Яковлевич, – что мы с вами неподходящее место для разговора выбрали... И потом, сколько раз я просил... выходной день, отдыхать надо, а вы с делами. Не годится, Сергей Сергеевич, никуда не годится.

– И я говорю, не годится, товарищ генерал, – подхватил Дымов. – Я, можно сказать, сил не жалею, ползаю, ягоды ищу, а вы философию разводите.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Издали донеслись женские и детские голоса...

– Ау! Где вы?!

– Нас ищут. – Антон Яковлевич приложил ладонь ко рту, и по лесу громко прокатилось: – О-го-го-го! – Потом он обернулся к Дымову и сказал вполголоса:

– Завтра я с утра занят. Срочное задание. В 15.00 прошу ко мне со всеми вашими соображениями.

– Есть, товарищ генерал. В 15.00.

...Разговор, начавшийся в воскресный день в лесу, был продолжен в понедельник, в служебном кабинете генерала.

В кабинете стоял большой, красиво отделанный радиоприемник. В редкие минуты отдыха, которые генерал называл «паузами», он включал приемник и «шарил» по светящейся, с зелеными и красными линиями, шкале, отыскивая что-нибудь такое, что могло заинтересовать его. Больше всего генерал любил песни. Услыхав знакомый мотив, он поудобнее усаживался в кресле, вытягивал ноги и закрывал глаза. Песня негромко звучала в его небольшом, но уютном кабинете и, отвлекая на несколько минут от дел, приносила отдых, доставляла наслаждение и «разрядку».

Прослушав песню или какой-нибудь лирический вальс, генерал выключал приемник и шел к письменному столу. «Пауза» окончена, надо продолжать работу.

Сегодня «пауза» была недолгой. Только что отзвучала отличная румынская песенка «Маринике», и лицо генерала еще сохраняло мягкое выражение. Телефон зазвонил, как всегда резко и требовательно. В эту же минуту в приоткрывшуюся дверь заглянул секретарь и коротко доложил:

– Вызывает Черноморск!..

Генерал выключил радиоприемник и подошел к телефону. Сосредоточенно, иногда хмуря пушистые брови, он слушал все, что ему докладывали, затем неожиданно прервал разговор и приказал:

– Хорошо! Все подробности сообщите шифровкой. Сегодня же... Сейчас!..

Генерал положил трубку, сел за стол и толстым синим карандашом написал на листке блокнота только одно слово: «Черноморск». Это слово означало, что сегодня же вечером необходимо получить подробности странного происшествия, о котором ему коротко, в пределах служебного телефонного разговора, только что сообщили.

Вошел секретарь и доложил, что полковник Дымов ждет приема. Генерал взглянул на часы и улыбнулся: без двух минут три. Как всегда, полковник был предельно точен.

³ Сентрал-интеллидженс-эджези – Центральное разведывательное управление.

– Входите, входите, Сергей Сергеевич. Здравствуйте! – Генерал встал и пошел навстречу полковнику. – Садитесь, – показал он на кресло. – Что же, продолжим наш вчерашний разговор. Чем порадуете?

Дымов пожал плечами.

– К сожалению, хвалиться пока нечем, товарищ генерал. Сведения, которыми мы располагаем, отрывисты и не вполне достоверны.

– На вполне достоверные сведения пока рассчитывать не приходится, – отозвался генерал. – Давайте попробуем восстановить хотя бы приблизительную картину того, что произошло, и дорисовать то, что стерто временем.

– Попробуем! – Сергей Сергеевич положил перед собой на маленький столик папку с бумагами.

Вот уже больше месяца он с пытливостью ученого и настойчивостью следователя собирал по крохам все, что имело отношение к последним дням жизни и работы ученого-кораблестроителя профессора Савельева. Он скрупулезно сопоставлял обрывки сведений, клочки фактов, пытаясь узнать из них неизвестную до сих пор историю смерти Савельева и исчезновения всех материалов его научных и экспериментальных работ. Все, что ему удалось «прочитать», выглядело примерно так:

...Когда воздушный и морской десанты гитлеровцев внезапно атаковали Черноморск и завязали бои на его окраинах, профессор Савельев был болен. Началась поспешная эвакуация женщин и детей. Все мужское население Черноморска – от юношей до стариков – вместе с воинскими частями держало круговую оборону города. Оставив больного учителя на попечение Анны Герасимовны, хлопотливо собиравшейся в ожидании горкомовской машины, Габуния ушел с отрядом добровольцев. Но перед уходом, выполняя категорическое требование профессора, Габуния уничтожил модель нового корабля, важнейшее оборудование лаборатории, уничтожил все следы большой работы, проводившейся им и Савельевым. Габуния не вернулся. Он погиб, защищая от врага родную советскую землю.

А старый, больной ученый, оставшись дома, не мог спокойно лежать в кровати. Превозмогая боль, Савельев незаметно встал, оделся и ушел, ушел, не сказав никому ни слова. Куда? Зачем? Никто этого не знает.

Трудно описать отчаянье Анны Герасимовны, обнаружившей исчезновение больного мужа.

Скрылись из виду последние грузовики с беженцами, а у двери беленького домика Савельевых все еще сердито пофыркивал будто торопил – скорей, скорей! – «газик» из гаража городского комитета партии. Когда ружейная и пулеметная стрельба раздалась уже совсем близко, Анну Герасимовну, почти потерявшую сознание, силой усадили в машину и увезли.

Что же стало с профессором Савельевым? В одной из своих сводок, значительно позднее, фашистское командование сообщило о том, что при взятии русского портового города Н. был убит шальной пулей видный ученый, крупный специалист в области кораблестроения, Петр Савельев. А еще позже гитлеровцы опубликовали нечто вроде некролога, в котором сообщили о найденных ими некоторых условных записях погибшего ученого, повидимому, имеющих отношение к его последним работам.

Генерал внимательно слушал. Когда Дымов замолчал, генерал несколько раз провел рукой по волосам, потом крепко, до хруста, сжал пальцы рук и сказал очень тихо:

– Дальше!

А дальше начинались гипотезы, догадки, начиналось то, что Сергей Сергеевич назвал отрывистыми и не вполне достоверными сведениями.

Анна Герасимовна Савельева, старая больная женщина, до сих пор не может без слез вспоминать о своем погибшем муже, о том, что произошло в Черноморске в те трудные, страшные дни.

Три раза посетил Сергей Сергеевич маленькую московскую квартиру, в которой жила теперь старушка. И постепенно, шаг за шагом, в результате осторожных расспросов и долгих душевных бесед возникали в ее памяти стертые штрихи, забытые подробности, выявлялись новые детали этой трагической истории.

Да, Анна Герасимовна вспомнила, отчетливо вспомнила небольшой круглый футляр, в котором Габуня хранил все чертежи, все схемы и расчеты. Куда делся этот футляр? Этого Анна Герасимовна не знает. По всей вероятности, его уничтожили в лаборатории вместе с моделью и оборудованием... А может быть...

Куда и зачем уходил больной Савельев? Этого Анна Герасимовна тоже не знает. Но у полковника все более и более крепла уверенность в том, что профессор не зря уходил из дома.

– Вы представьте, товарищ генерал, – взволнованно докладывал Сергей Сергеевич. – Враг близко. Модель, расчеты, чертежи могут попасть в руки фашистов. Старик не знает, спасется ли он сам. Близкая опасность придает ему силы, толкает его на решительный шаг. Он хватается футляр с чертежами и расчетами и в суматохе незаметно уходит из дома. Он находит подходящее место и прячет свои труды, свое детище... Но где? Этого, к сожалению, никто не знает.

Видимо, уже возвращаясь обратно домой, профессор Савельев был убит. Иначе его нашли бы наши товарищи. Он брел по улицам города больной, одинокий и... погиб. Но он выполнил свой долг, долг советского патриота. Бумаг при нем уже не было. Иначе, если бы они оказались при нем, об этом широко оповестили бы хвастливые фашистские сводки.

Генерал слушал молча. Ни вопросом, ни замечанием он не прерывал Дымова, а тот продолжал говорить очень медленно, словно проверяя себя, свои выводы.

– Я полагаю так... Фашистам не сразу, конечно, а через какое-то время стало известно, что в Черноморске находился и работал замечательный русский ученый... Был опознан его труп. Найдены кое-какие документы, условные записи. Ведь они так и говорили. Следовательно, это еще не работы Савельева, а что-то, имеющее отношение к ним... Что же это могло быть? Я много думал над этим вопросом, товарищ генерал, и пришел к выводу, что это – не что иное, как зашифрованные самим Савельевым в личной записной книжке или в каком-нибудь другом документе координаты места, где он спрятал свои чертежи и расчеты...

Генерал молча кивнул головой. Он был согласен с полковником. А тот продолжал.

– В ходе войны фашистам не удалось расшифровать и воспользоваться «условными записями» Савельева. К тому же из Черноморска их очень скоро выбили... Однако записная книжка Савельева, будем ее так называть, была ими сохранена, а после окончания войны она попала к новым хозяевам – господам американцам. И здесь зашифрованные записи погибшего профессора перестали быть шифром. Их прочли! Вот тогда-то заговорили о ключе, тогда и появилась статья Лидснея в журнале.

Сергей Сергеевич улыбнулся и заключил:

– Но одно дело расшифровать название места, где спрятаны чертежи, а другое дело – до этого места добраться.

Он замолчал и посмотрел на генерала. Антон Яковлевич поднялся со стула, подошел к Дымову и положил ему на плечо руку. В этом жесте было и одобрение, и поддержка.

– Что же ты предлагаешь, Сергей Сергеевич? – спросил генерал, неожиданно переходя на ты.

– Ждать! – твердо ответил Дымов. Он перехватил понимающий взгляд начальника и добавил: – Ведь не каждое ожидание есть пассивность, товарищ генерал?

Генерал такому ответу не удивился. Да, не всякое ожидание означает пассивность. Иногда очень важно проявить терпение, выждать, чтобы потом действовать решительно, наверняка.

Генерал, заложив руки за спину, прошелся, по кабинету, а потом, словно что-то обдумывая и сопоставляя, сказал:

– Есть интересное сообщение... Недавно мне звонили из Черноморска... Там произошла любопытная история...

Глава IV

Нападение на Джима Хепвуда

А в Черноморске произошло следующее...

Небольшой уютный ресторан «Волна» находился недалеко от порта. Сюда часто заходили моряки с иностранных торговых пароходов, рабочие и служащие порта и ближайших учреждений, экскурсанты, осматривавшие эту красивую часть города.

Сверху с горы хорошо был виден весь порт с многочисленными причалами, складами, навесами. Над ними возвышались краны, лебедки, на вышках мигали сигнальные лампочки. У причалов и чуть дальше неподвижно стояли суда – черные, белые, серые. Между ними сновали юркие, быстроходные катера. В течение всего дня не прекращалось здесь движение, не затихал многоголосый, многозвучный шум.

В этот предвечерний час в ресторане «Волна» было немногочисленно. Обеды уже кончились, ужин не начинался, и немногочисленные посетители, сидевшие за столиками в разных концах большого зала, довольствовались холодными закусками и прохладительными напитками.

Из ворот порта вышел высокий, плечистый моряк. На нем были широкие холщовые штаны, такая же широкая рубаша с отложным воротником. На голове плотно сидел темносиний суконный берет, какой обычно носят матросы во всех частях Старого и Нового света.

Моряк постоял минутку на месте, раскурил черную задымленную трубку, затем медленно, твердо ступая по камням грубыми ботинками, направился к ресторану.

Отворив дверь, он огляделся, приветливо и с достоинством поклонился швейцару, снял и заткнул в карман свой берет, прошел через весь зал в самый дальний угол и присел у столика позади пустовавшей эстрады. На ломаном русском языке он попросил подошедшего официанта подать бутылку холодного «рашен пиво» и какую-нибудь закуску. Официант отошел, а матрос безразличным, скучающим взглядом стал рассматривать других посетителей.

У входа в зал за небольшим столиком сидели две девушки. Они показывали друг другу фотокарточки, смеялись, потом одна из них стала что-то писать на листке блокнота. В другом конце, у стены, выкрашенной синей масляной краской, пожилой тучный мужчина в форме моряка советского торгового флота читал газету. За следующим столиком оживленно беседовала компания молодежи. Старший официант медленно прохаживался по широкой ковровой дорожке, всем своим строгим, подтянутым видом олицетворяя порядок и готовность к услугам.

Неожиданно скучающее, безразличное выражение на лице матроса исчезло, его взгляд стал напряженным и злым. В ресторан вошли два иностранных матроса, одетых так же, как и первый. Они увидели своего земляка, но не поздоровались с ним, не обменялись обычными при встречах восклицаниями. Мельком взглянув на него, перехватив его напряженный взгляд, они уселись за отдельным столиком и стали рассматривать меню.

Настроение у первого матроса явно испортилось. Ему, видимо, не хотелось ни с кем встречаться здесь, и он беспокойно ерзал на стуле, часто оглядываясь по сторонам.

В это время официант принес на большом подносе все заказанное. Матрос тронул его за рукав и спросил, где он может помыть руки. Официант объяснил и показал на дверь: – Вон там, рядом с выходом.

– Спасибо, – сказал матрос. Минуту он посидел на месте, разглядывая этикетку на бутылке с пивом, потом встал и не спеша прошел через весь зал – в умывальную. Когда он проходил мимо двух матросов, они проводили его внимательным, настороженным взглядом.

Прошло две-три минуты. Матрос не возвращался. Через некоторое время обеспокоенный официант заглянул в умывальную комнату и удивленно остановился на пороге: там никого

не было. Пожав плечами, официант подошел к столику, где только что сидел матрос. Закуска не тронута, пиво не выпито... Возле тарелок лежали деньги – двадцать пять рублей. Значит посетитель ушел!..

Взяв деньги, официант начал советоваться со старшим: убирать ли закуску и что делать с деньгами?

А матрос уже был далеко от ресторана. Быстрым шагом, поминутно оглядываясь, он прошел несколько переулков и остановился на углу широкой многолюдной улицы. Здесь он опять надел на голову свой смятый берет и раскурил трубку. Его глаза из-под выгоревших белесых бровей внимательно осматривали прохожих. Мужчины и женщины, старики и дети – все проходили мимо, не обращая на него внимания: в этом портовом городе иностранных моряков можно было видеть в магазинах и ресторанах, в скверах и кинотеатрах... Жители привыкли к «гостям», как их называли здесь.

Сигнал светофора остановил машины. Матрос перешел на противоположную сторону улицы и, заметив арку с вывеской «Эрмитаж», вошел в гостеприимно распахнутые ворота парка. В аллеях парка было тихо, дышалось легко... Немногочисленные посетители прохаживались по дорожкам, усыпанным светложелтым песком, или сидели на скамейках, в тени склонившихся деревьев.

В боковой аллее, тянувшейся параллельно забору, матрос увидел советского военного моряка, который не спеша прогуливался вместе с полной, высокой женщиной и мальчиком лет одиннадцати. Моряк был в парадной форме. На тужурке с якорями на воротнике поблескивали ордена и медали, на боку висел кортик. Немолодой, коренастый, с мелкими оспинками и густыми усами на широком красно-бронзовом лице, он шагал обычной морской походкой, вразвалку, и что-то, смеясь, рассказывал мальчику.

Иностранный матрос еще раз оглянулся, затем быстрым шагом пошел навстречу моряку и, приложив два пальца к берету, остановился.

– Господин офицер, – сказал он, с трудом выговаривая русские слова. – Разрешите спросить.

Моряк и его спутники остановились.

– Пожалуйста, – ответил моряк и в знак ответного приветствия тоже приложил руку к козырьку фуражки. – Я – мичман.

– Господин мичман... Прошу извиненья... Мне нужна помощь.

– Какая помощь?

– Очень важное дело... Я должен найти вашу русскую тайную полицию.

Мичман поглядел на матроса и даже крикнул, от удивления.

– У нас нет тайной полиции, – сказал он и pokrutil черный ус.

– Простите, если она не так называется. Я слышал – Гепеу...

– Э-э, друг, – добродушно улыбнулся мичман. – Насколько же ты опоздал... и ГПУ у нас нет. Да что случилось?

– Я должен сообщить важные сведения. В пользу СССР. Я – друг СССР и не могу молчать.

С лица мичмана сбежала улыбка. Брови на переносье сошлись, усы зашевелились. Он секунду, не больше, помедлил, затем оглянулся на стоявших рядом жену и сына и опять pokrutil ус.

– Вот что, Ксана, – сказал он. – Ты с Андрюшей посиди здесь, вон на той скамеечке, и обожди меня. А я отведу парня в нужное место и быстро вернусь. – Он посмотрел на часы и добавил: – К началу сеанса как раз успею.

– Хорошо, – коротко ответила жена.

– Папа, ты побыстрее, а то опоздаем.

Мальчик был явно недоволен тем, что отец уходит, и спросил:

– Может быть, и мне пойти с тобой?

– Нет, Андрюша, посиди с мамой. Ей одной скучно будет. Пойдемте, я отведу вас, – обратился он к матросу.

Матрос поклонился и пошел вслед за мичманом.

По дороге мичман шел молча, ни о чем не спрашивая своего спутника. А тот шагал рядом и, попыхивая трубкой, не глядя на встречных, тоже молчал. Только изредка он оглядывался и что-то бормотал под нос.

Через несколько минут мичман привел матроса в небольшое, облицованное серым камнем здание, стоявшее в тихом, узком переулке, в стороне от центральных улиц. Он попросил матроса подождать в коридоре бюро пропусков, а сам прошел в комнату дежурного, где коротко объяснил цель прихода. Дежурный выслушал мичмана, поблагодарил его и сказал, что сейчас же проводит матроса к начальнику.

– Да, кстати, – сказал дежурный, когда мичман стал прощаться. – На всякий случай дайте ваши позывные. Мало ли что... Может быть, понадобятся.

– Мичман Бадьин, Павел Васильевич, – ответил моряк. – Командир сторожевого катера. Домашний адрес: Набережная улица, дом восемь. А завтра я сам к вам зайду... Может, какие вопросы будут?..

Вместе с дежурным он вышел в коридор, попрощался с матросом и ушел.

Через несколько минут иностранный моряк, нервно теребя в руках свой берет, сидел в кабинете начальника и рассказывал, что его, иностранца, привело сюда, к советским властям. Коверкая русские слова и путая их с английскими, он возбужденно и взволнованно жестикулировал, как бы пытаясь жестами восполнить недостаточное знание русского языка.

Он – Джим Хепвуд, матрос торгового корабля «Виргиния», вчера ночью пришедшего в этот советский порт. Хепвуд – простой рабочий человек. У себя на родине он часто посещал митинги и собрания друзей Советского Союза и хорошо понимает, на чьей стороне правда. Он считает своим интернациональным долгом пролетария сообщить все, что знает.

Однажды ночью на пути в Советский Союз на борт «Виргинии» был принят и устроен в отдельной каюте странный пассажир. В эту темную дождливую ночь Хепвуд нес вахту на палубе и мельком, издали видел фигуру этого пассажира. В каюту его провожал сам капитан Глэкборн.

Когда Хепвуд приблизился, чтобы помочь пассажиру поднести чемодан, капитан грубо крикнул и приказал ему убраться. Через две-три минуты капитан вернулся на палубу, подозвал Хепвуда и пригрозил выкинуть его за борт, если он хоть кому-нибудь заикнется о том, что и кого видел в ночь своего дежурства. Из этой угрозы Хепвуд понял, что «Виргиния» взяла плохого, опасного пассажира, он, очевидно неспроста приехал сюда, в Советский Союз.

– Да, я уверен, что на «Виргинии» приехал очень подозрительный пассажир, – повторил Хепвуд, заканчивая свой рассказ. – Вот все, что я знаю, все, что я хотел вам сообщить.

Подполковник Рославлев все время внимательно слушал матроса, не отвлекая его никакими вопросами и замечаниями, не сделал ни одной пометки в блокноте. Только после того, как Хепвуд закончил и, явно нервничая, стал поглядывать на часы, подполковник спросил:

– Вы спешите?

О, да, Хепвуд торопился уйти. Он сделал все, что мог, несмотря на то, что рискует своей жизнью. После ночного разговора с капитаном Глэкборном люди капитана, как лягавые псы, все время ходят вокруг, присматриваются, вынюхивают. Вот и сегодня двое пошли за ним, но он сумел обмануть их. Ресторан, где они встретились, имеет два хода, и Хепвуд незаметно ушел. Но он не уверен, удалось ли ему замести следы, и если эти два молодца увидят, что он выходит из этого здания, Хепвуду не поздоровится.

Рославлев вежливо поблагодарил матроса за его сообщение о подозрительном пассажире, пожелал здоровья и высказал надежду, что все обойдется благополучно. Глядя в чисто выбри-

тое, уже немолодое лицо Хепвуда, Рославлев подумал, что и впрямь, если капитан «Виргинии» узнает, где был матрос, последнего ждут неприятности: увольнение, безработица, а может быть, кое-что похуже...

Летний день уже догорал. Солнце ушло за горизонт, уступив место еще не густым, серосиреневым сумеркам. В кабинете стало темнеть, но Рославлев еще не включил электричества. Проводив матроса, подполковник в задумчивости остановился у окна кабинета. Он увидел высокую, плотную фигуру Хепвуда: быстрым шагом тот удалялся в сторону порта.

Неожиданно Рославлев вздрогнул и подался вперед. Он заметил, как от стены соседнего дома отделились два человека и, словно крадучись, в отдалении последовали за Хепвудом.

– Вот оно что! – пробормотал Рославлев, нажимая кнопку звонка. – Значит матрос опасался не зря!

Решение пришло мгновенно. Через минуту из дверей дома вышли два лейтенанта. Они получили задание взять под наблюдение этого иностранного матроса и двух неизвестных, преследовавших его, и в случае необходимости «действовать по обстановке».

Это задание лейтенантам Зотову и Марушкину подполковник дал не случайно. Оба они были отличными спортсменами, боксерами, отличались большой физической силой, острой наблюдательностью, мгновенной реакцией и вместе с тем хладнокровием. Посылая их вслед за иностранными моряками, Рославлев мог быть спокоен: в случае чего ребята не растеряются!..

Сумерки быстро сгущались. Зотову и Марушкину приходилось напрягать зрение, чтобы не упустить из виду Хепвуда и его преследователей. Хепвуд шел узкими, почти безлюдными переулками, которые вели к порту.

Не доходя до очередного перекрестка, Хепвуд оглянулся, замедлил шаги и остановился. Очевидно, он решил закурить, так как издали мелькнул огонек спички. Почти в то же мгновение два человека быстро перебежали с другой стороны переулка и набросились на Хепвуда. В вечерней тишине послышался хриплый вскрик, три едва различимые в темноте фигуры сплелись в клубок, покотившийся по земле.

Зотов и Марушкин бросились вперед. Рванув за куртки нападавших, они с силой отбросили их в стороны, оторвав от их жертвы. Один из бандитов вскочил на ноги и попытался вновь броситься на Хепвуда, над которым наклонился Марушкин, но налетел на увесистый кулак Зотова.

– Назад! – громко и властно крикнул Зотов, и в руке его блеснул пистолет.

Второй нападавший, тяжело дыша, что-то крикнул сдавленным голосом своему товарищу, оба они бросились бежать и сразу же скрылись в темноте. Впрочем, их никто не преследовал.

Хепвуд лежал на земле и тихо стонал. Он, видимо, был оглушен.

– Вот, погляди, – сказал Марушкин Зотову, подавая металлический кастет. – Этим предметом череп проломить недолго.

Зотов нагнулся и поднял небольшой финский нож.

– А это – тоже штука известная, – сказал он. – Не подкололи ли его?

Через несколько минут к месту происшествия прибыла машина скорой помощи и увезла Хепвуда в городскую больницу. Дежурный врач внимательно осмотрел матроса и установил, что он был оглушен ударом кастета. На левой руке его была кровоточащая ссадина, которая, к счастью, большой опасности не представляла. Широкая рубаша Хепвуда сзади была разрезана финским ножом. Удар не достиг цели благодаря подоспевшим лейтенантам.

Вскоре в больницу приехали Рославлев и заместитель начальника порта. В белых халатах поверх обмундирования они прошли в палату, где лежал Хепвуд, и сели возле кровати.

– Вот видите, – тихо сказал матрос и попытался улыбнуться. – Все-таки собаки капитана подкараулили меня.

– Раны, к счастью, не опасные, вы скоро встанете на ноги, – ответил Рославлев.

– Надеюсь... Но на «Виргинию» я не вернусь... Нет, не вернусь...

Лицо Хепвуда покрылось румянцем, глаза потемнели, в голосе прозвучало озлобление.

– Если я вернусь на «Виргинию», меня убьют или сбросят в море... Вы должны защитить меня... Помочь мне...

Хепвуд стал просить, чтобы ему дали возможность вылечиться и дожидаться другого парохода, на котором он уедет домой. Да, он не собирается покидать свою родину, где прожил много лет, где живут его родные и близкие. Он вернется домой, но на другом пароходе, в качестве пассажира или матроса, не все ли равно. А когда приедет на родину, он не будет молчать...

Рославлев и заместитель начальника порта молча слушали взволнованную речь матроса. Каждое слово, видимо, стоило ему больших усилий, но он заставлял себя говорить, чтобы высказать все, что накопилось у него на душе.

Когда заместитель начальника порта отлучился, чтобы поговорить с главным врачом, больницы, Рославлев спросил Хепвуда.

– Вы знаете тех, кто напал на вас?

– Нет, – покачал головой Хепвуд. – Было темно. Все случилось неожиданно. Меня сразу оглушили.

– Может быть, это те, кого вы видели в ресторане?

– Может быть... возможно... но утверждать не могу...

Хепвуд замолчал и подтянул сползавшее одеяло. Потом он медленно произнес:

– Господин начальник... Я все время думаю об этом человеке.

– О ком?

– О пассажире, про которого я вам рассказывал... Он, наверное, уже сошел на берег... Это очень плохо и опасно.

– Вы можете описать его наружность?

– Могу. Я помню его, помню его лицо, фигуру. Невысокий, полный, лицо круглое. Правда, я видел его издали, темной ночью... Дождь хлестал вовсю. А он был в макинтоше и спущенной шляпе, но все равно, если я встречу с ним – я узнаю его. Обязательно узнаю. И пусть это стоит мне жизни – я не уступлю ему дороги.

Вернулся заместитель начальника порта и сообщил, что обо всем с главным врачом договорился. Хепвуду будет обеспечен необходимый уход и лечение. Пусть он спокойно лежит, не волнуется.

– Спасибо вам... товарищи... – сказал Хепвуд и посмотрел на посетителей: не обиделись ли они, что он назвал их товарищами?

Рославлев и заместитель начальника порта вышли из больницы на улицу – каждый к своей машине. Прощаясь, представитель портовой администрации сказал:

– Неприятная, дурацкая история... Привыкли там, у себя, грызться, как волки... Не поделили чего-нибудь, – и сразу за ножи. Пьяные хулиганы!

Рославлев промолчал. Он или не хотел, или, не знал, что ответить.

Глава V

Неудача Капитана Глэкборна

Торговый пароход «Виргиния» стоял у причала. Большой и неуклюжий, он был выкрашен в серовато-черную краску, которая местами уже стерлась и облупилась.

Наступали сумерки. Далеко на горизонте гасли последние солнечные лучи. Расплывчатее и туманнее делались контуры словно дремавшего парохода, и только по бортам его все еще ярко блестела надпись большими латинскими буквами – «Виргиния». Волны плескались, накатывались на берег и медленно, нехотя уходили назад, в море.

Еще недавно светлоголубое, небо постепенно теряло свою прозрачную голубизну, становилось темноголубым, синим и словно приближалось к земле, к морю.

В порту кончился рабочий день. Замерли, подняв стальные хоботы, подъемные краны. Смолкло все, что недавно двигалось, шумело, грохотало.

На пароходе «Виргиния» гулко отзвучали восемь склянок. В кают-компании давно накрыли стол к ужину, и старший помощник капитана нервно расхаживал по залу, ежеминутно поглядывая на часы.

Старший помощник раздражен. Уже более двух часов капитан «Виргинии» Джемс Глэкборн находится на берегу по делу проклятого Хепвуда. Черт бы подрал этого тихоню-матроса. Правда, Хепвуд новичок на «Виргинии», это его первый рейс, а за время рейса он проявил себя смирным и дисциплинированным матросом. Однако, сойдя на берег, он ухитрился кому-то досадить или напакостить, иначе почему же его собирались ухлопать.

Старший помощник не знал всех подробностей происшествия на берегу. Капитан Глэкборн был угрюм, малообщителен и со своими подчиненными разговаривал редко. Но старший помощник уже двадцать лет шляется по земным лужам, – так он пренебрежительно отзывался о морях и океанах. За это время он видел куда более серьезные вещи, чем свернутые челюсти и проломленные черепа. По твердому убеждению старшего помощника, вся эта чепуховина не стоит того, чтобы опаздывать к ужину.

Однако, повидимому, в оценке истории с Хепвудом капитан Глэкборн расходился в мнении со своим старшим помощником.

В затянувшейся беседе с заместителем начальника порта капитан весьма энергично потребовал возвращения раненого матроса на свой пароход.

– Ваш пароход? – удивился заместитель начальника. – Вы – владелец «Виргинии»? По данным, которыми мы располагаем, вы служите у торговой фирмы Харт и К°.

– Это не имеет значения! – сердито отозвался Глэкборн. – Я капитан и отвечаю за свой экипаж. «Виргиния» уходит завтра утром... Путь далек, и времени будет вполне достаточно, чтобы матрос Хепвуд поправился. О да, он поправится!

В словах Глэкборна прозвучала явная угроза, и его собеседник понял, что для матроса Хепвуда этот обратный рейс «Виргинии» может стать последним рейсом.

– Мы никого не задерживаем. Это не в наших правилах, – спокойно ответил заместитель начальника порта и посмотрел в упор на капитана. – Наш долг – оказать медицинскую помощь иностранному моряку, на которого было совершено нападение. Кстати, хотя причина нападения до сих пор не установлена, достоверно известно, что нападавшие – матросы с парохода «Виргиния».

Капитан Глэкборн пренебрежительно пожал плечами. Мало ли какой сброд у него в экипаже? Может быть, у них старые счеты, а может быть, поссорились из-за девчонки или из-за денег. Личные дела матросов вне его компетенции.

Советскому моряку, заместителю начальника порта, было хорошо известно, что входило в компетенцию капитана «Виргинии». Его обязанность – любыми средствами охранять инте-

ресы фирмы Харти и К°, обеспечивать ее прибыли, даже если пароход плавает под чужим флагом. А для этого из старой посуды, какой являлась «Виргиния», надо выкачивать все возможное и невозможное. Пусть надрываются в работе матросы, пусть на каждом шагу их ждет ругань, донимает палочная дисциплина, пусть они едят скудно и зарабатывают мало – Глэкборна все это не интересует. Ему платят – и он делает свое дело, свой бизнес. А на все остальное – наплевать!..

Франтоватый капитан Глэкборн злился и курил сигарету за сигаретой. Он еле сдерживался, чтобы не разразиться отборной бранью.

– Что же вы хотите? – неожиданно задал вопрос заместитель начальника порта. – Немедленного возвращения вашего матроса на борт «Виргинии»? А если этому воспротивятся врачи? С врачами вы будете считаться?

После короткого раздумья Глэкборн медленно проговорил:

– Я хочу собственными глазами убедиться...

– Что ваш матрос Джим Хепвуд не похищен? – усмехнулся собеседник... – Ну что ж, для вашего успокоения я предоставлю вам такую возможность.

Он снял телефонную трубку и попросил соединить его с подполковником Рославлевым.

...Повторный телефонный разговор с Москвой и полученные из центра указания несколько озадачили подполковника Рославлева. Он задумчиво ерошил густые черные волосы и пытался восстановить в памяти все подробности недавней беседы с Джимом Хепвудом.

Странно, очень странно... Таинственный пассажир, посаженный на борт «Виргинии» и так тщательно оберегаемый капитаном, возможно, уже на берегу, в городе, здесь, под боком... Все необходимые меры, конечно, приняты. Под наблюдение взяты все общественные места, в учреждениях и на предприятиях усилена проверка документов посетителей. В порту и на вокзалах дежурят опытные сотрудники. А результатов – никаких!.. Да и какие указания, инструкции, советы мог дать своим подчиненным он, Рославлев? – Будьте внимательны, смотрите, ищите, не попадется ли вам на глаза подозрительный человек, который может оказаться таинственным пассажиром с парохода «Виргиния». Вот и все! Приметы? Их немного, почти нет никаких. Куда должен был направиться таинственный пассажир – неизвестно. Какова цель его приезда в Черноморск, где нет крупных промышленных предприятий и научно-исследовательских учреждений? Скорее всего Черноморск избран как пункт пересадки или как пункт связи...

А что советует Москва? Все его мероприятия одобрены, одновременно ему приказано действовать максимально осторожно и никакой особой самостоятельности не проявлять. Если все принятые им меры результатов не дадут – ждать.

Действительно, очень странно... Ждать... А чего? Жаль, что начальство не догадалось командировать кого-нибудь в Черноморск, ориентировать, посоветоваться, выработать общий, наиболее разумный план... А время пока идет. «Виргиния» завтра снимается с якоря. Черт возьми, после отплытия «Виргинии» решение сложной задачи о таинственном пассажире может стать невозможным.

Все эти сомнения волновали, тревожили и даже раздражали подполковника Рославлева. Он нервно ходил из угла в угол и никак не мог придумать: что же еще надо сделать, чтобы не упустить этого загадочного пассажира, будь он проклят...

Часы безостановочно отсчитывали время. Сумерки опустились на город, и в кабинете стало темно. Подполковник подошел к стене, повернул выключатель, да так и остался стоять, хмурая брови и кусая губы. Он думал, упорно и напряженно думал.

Генерал сказал: «Ищите, непрерывно докладывайте и ждите дополнительных указаний». На прощанье он снова повторил: «Да, да, ждите, товарищ подполковник, не всякое ожидание означает пассивность...»

А потом неожиданно, совсем неожиданно заговорил о другом – попросил описать, где, в какой части города находится домик, в котором жил кораблестроитель профессор Савельев. Что бы это могло значить? Профессор погиб давно, подробности неизвестны... Старая, забытая история, ее следов не найдешь даже в архивах...

Рославлев зажег папиросу, но так и не закурил ее. Негромкий стук в дверь прервал его размышления. На пороге кабинета стоял мичман Бадьин, смущенно теребя фуражку.

– Входите, Павел Васильевич, – приветливо встретил его Рославлев и крепко пожал руку.

Мичман от удивления смутился еще больше. Подполковник видит его в первый раз, а знает уже имя и отчество.

Рославлев словно разгадал мысли своего посетителя.

– Мне еще вчера о вас дежурный доложил, когда вы иностранного матроса к нам привели. Дежурный сказал, что сегодня вы обещали зайти. Я ждал вас.

Подполковник подошел к столу, включил настольную лампу и, улыбаясь, посмотрел на растерявшегося мичмана.

– Садитесь, курите и давайте беседовать... Очень хорошо, что вы не отмахнулись от иностранца, а привели его к нам.

– А как же иначе, товарищ подполковник.

Я службу знаю... Действую всегда по обстановке, по уставу и по совести.

– Отлично сказано!.. Мне бы хотелось узнать, как вы столкнулись с ним, о чем разговор был.

Бадьин не спеша рассказал все подробности своей встречи с матросом.

– Он, товарищ начальник, тайную полицию да ГПУ разыскивал. Не знает, конечно, нашей жизни. А в общем, видать, парень не плохой, – закончил Бадьин.

Подполковник слушал очень внимательно. В свою очередь он рассказал мичману о нападении на Хепвуда, когда тот возвращался на пароход. Хепвуд сейчас находится в больнице.

– Вот так история! – сокрушенно покачал головой Бадьин. – Жаль парня... Что же теперь будет? Иностранец, а обидели на нашей территории...

– Ничего, международных осложнений пока не предвидится, – улыбнулся Рославлев.

Потом, помолчав немного, неожиданно заметил:

– А ведь Хепвуд здесь совсем один. Один на чужой стороне. Ни родных, ни знакомых. И из товарищей вряд ли кто навестил его.

Рославлев задумчиво поглядел в окно.

– Не мешало бы вам, товарищ Бадьин, навестить Хепвуда в больнице. Взять над ним шефство, так сказать...

Павел Васильевич это предложение выслушал не без удивления. Матрос, конечно, здесь один, все это так. Но и он, Бадьин, не приходится Хепвуду ни родственником, ни приятелем. К тому же, удобно ли военному моряку заводить случайное знакомство с иностранцем?.. Впрочем, если товарищ подполковник считает, что это можно и нужно, что ж, он, пожалуй, согласен, только об этом придется доложить начальству.

– О начальстве не беспокойтесь, – сказал Рославлев, явно любуясь мичманом. – Я сам сообщу ему все, что надо.

Бадьин покрутил ус и кашлянул.

– Вам виднее, товарищ подполковник. Правда, сейчас у нас горячая страда, работенки хоть отбавляй. Скоро пойдем в плаванье. Но завтра же забегу в больницу. Обязательно. Может, действительно парню что-нибудь надо.

Рославлев поблагодарил Павла Васильевича и поднялся со стула. Встал и мичман. Они расстались как давнишние знакомые, и еще долго подполковник, стоя посреди кабинета, слышал удалявшиеся тяжелые шаги мичмана Бадьина.

Не возвращаясь к столу, Рославлев посмотрел на часы. Пора, пора! Он позвонил дежурному и сказал, что уходит домой. Если будут спрашивать, он весь вечер дома.

Рославлев убрал со стола бумаги, спрятал их в сейф и, заперев его, для верности несколько раз подергал за ручку.

Телефонный звонок застал подполковника уже на пороге кабинета. Он выслушал, что говорил невидимый собеседник, и коротко ответил, что тоже приедет в больницу, так как хочет присутствовать при разговоре капитана Глэкборна с Джимом Хепвудом. Подполковник Рославлев с сожалением подумал, о том, что ему приходится нарушить намеченный распорядок на сегодняшний вечер.

Небольшой двухэтажный особняк, из которого вышел Рославлев, стоял несколько в стороне от центра Черноморска. Город встретил запахами цветов, музыкой, доносившейся из ближайшего санатория, едва слышным шумом морского прибоя.

Попадались редкие прохожие. В Черноморске, как и во многих других южных городах, вся вечерняя жизнь сосредоточивалась на двух-трех центральных улицах и в небольшом городском парке. Там было шумно и весело. А здесь – тишина и покой.

...Хепвуд спал, когда дежурный врач ввел в палату капитана Глэкборна и сопровождавших его заместителя начальника порта и Рославлева.

Окна палаты выходили в больничный сад. Одно из окон было открыто, и легкая тюлевая занавеска едва шевелилась от теплого южного ветра. В палате стояло пять коек. Но, кроме Хепвуда, здесь находился только один больной – седой, усатый старик. Сдвинув на нос очки, облокотившись на высоко поднятую подушку, он читал газету. Поверх одеяла лежала его забинтованная, одетая в лубок рука. Прохор Тимофеевич Расторгуев – кочегар торгового парохода «Дружба» заканчивал курс лечения в хирургическом отделении городской больницы.

Дежурный врач, попросив остальных обождать, подошел к койке, на которой спал Хепвуд, и наклонился над ним.

– К вам пришли! – тихо сказал он. – Как вы себя чувствуете?

Матрос открыл глаза. Он узнал врача, и лицо его расплылось в улыбке.

– Благодарю вас, сэр... Немного лучше... Вот только очень болит здесь, – он показал на затылок. – И потом уши... Я стал плохо слышать.

Врач, едва касаясь, ощупал голову больного. Он дотронулся до затылка. Лицо Хепвуда исказилось от боли. Последствия удара кастетом оказались, очевидно, серьезнее, чем показал первый диагноз.

Врач подошел к ожидающим посетителям и предупредил их, что разрешает разговаривать с больным не более десяти минут.

– Этого вполне достаточно – заявил Глэкборн и направился к Хепвуду. Подойдя к больному, он некоторое время молча смотрел на него, потом заговорил решительно и резко. Он настаивал на немедленном возвращении матроса. Однако капитана Глэкборна постигла неудача. Джим Хепвуд наотрез отказался вернуться на «Виргинию». Ни уговоры, ни угрозы капитана не повлияли на решение матроса. Он упрямо качал забинтованной головой, лицо его побледнело от волнения, и он повторял, словно заученный урок:

– Нет, сэр, не могу, сэр! Поправлюсь и вернусь, обязательно вернусь. Обещаю вам. Извините, сэр, но я же не виноват, что так получилось... Уверю вас, что я ни в чем не виноват!

Рославлев внимательно слушал разговор капитана с матросом, ничем не выражая своих чувств. Он даже отводил глаза, когда взгляд Джима, словно в поисках поддержки, останавливался на нем. Подполковник – официальный представитель власти – только присутствовал, он обязан был оставаться беспристрастным и спокойным.

В одну из томительных пауз, когда капитан Глэкборн, истощив свои доводы, угрюмо, с открытой ненавистью смотрел на матроса, раздался хриплый басок лежавшего неподалеку Прохора Тимофеевича Расторгуева.

– Товарищ доктор! Чего мучаете больного человека... Совесть-то у него есть, у этого господина капитана? Или он ее за борт выкинул за ненадобностью?..

Капитан Глэкборн не все понял из того, что сказал старый кочегар. Но, встретившись с осуждающим взглядом старика, он резко встал со стула, показывая этим, что разговор с Хепвудом окончен. Даже не взглянув на больного, он церемонно раскланялся с остальными и направился к выходу.

До этого момента врач молча стоял у окна, словно все происходившее в палате не касалось его. Сейчас же, после ухода Глэкборна, он подошел к кровати и сказал тоном, исключавшим всякие возражения:

– Пора, товарищи, пора! Больному вредно волноваться.

Рославлев и заместитель начальника порта вышли из палаты. Уже находясь за дверью, они слышали, как гудел негодующий бас Прохора Тимофеевича Расторгуева.

Некоторое время Рославлев шел задумавшись, затем неожиданно спросил дежурного врача:

– Скажите, доктор, положение больного вызывает опасения?

– Нет, нет, – поспешно ответил врач, – никакой опасности. Все, на что жалуется больной, скорее всего результат нервного потрясения, а не последствия полученных травм и ушибов. Но так или иначе – ему надо вылежать, отдохнуть...

– Сколько времени ему придется пробыть в больнице?

– Трудно сказать... Думаю, что не больше недели.

Рославлев медленно возвращался домой. Из открытых окон звучала музыка, слышался веселый смех. Воздух был наполнен ароматом цветов. Издалека, с моря, доносился привычный шум прибоя.

Глава VI

«Вы не из Фриско?»

Над морем летела песня. Молодые сильные голоса отчетливо выводили знакомые слова:

*Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.*

А когда заканчивался куплет, с особой силой, задорно, бедро и весело звучал припев:

*Песню дружбы запекает молодежь,
молодежь, молодежь!
Эту песню не задушишь, не убьешь,
не убьешь, не убьешь!*

Юноши и девушки в разноцветных купальных костюмах и трусах облепили импровизированную эстраду – огромный камень, обломок морской скалы. На самом верху, балансируя, стоял юноша и дирижировал небольшим красным флажком.

Ребята пели дружно, с увлечением, во всю силу легких. Отдыхающие на пляже с удовольствием прислушивались к знакомому мотиву, а некоторые, выглядывая из-под тентов и зонтов, даже подпевали... Ласковое, горячее солнце, безбрежная морская даль, чистый прозрачный воздух – все располагало к отдыху, радости, песне.

Курортный сезон был в разгаре. Отдыхающие до отказа заполнили санатории, дома отдыха и частные дачные домики вблизи моря, на склонах гор, на окраинных улицах Черноморска. И, как всегда бывает в курортных городах, пляж, на котором мелькали бронзовые, шоколадные и молочно-белые тела, стал местом встреч и прощаний, случайных знакомств и сердечной дружбы.

Сегодня на заре скорый поезд Москва-Черноморск привез очередную партию отдыхающих и экскурсантов. А днем, после завтрака, большинство из «новичков» уже находилось на пляже.

Невдалеке от молодежного хора расположилась группа иностранцев-туристов, профсоюзных и общественных деятелей и представителей печати. Они прибыли в СССР по приглашению ВОКС, побывали во многих городах и, как это было предусмотрено заранее разработанным маршрутом, длительное пребывание в Советском Союзе завершали поездкой по южному побережью и кратковременным отдыхом в Черноморске.

На пляже иностранцы выделялись яркими купальными костюмами, полосатыми шерстяными трусами и цветными очками неестественно больших размеров. Укрывшись от солнца, они с интересом наблюдали за отдыхающими и о чем-то оживленно беседовали. Некоторые из них подходили, к поющим и в такт песне похлопывали в ладоши.

Чуть поодаль от группы иностранцев на мелкой гальке сидел немолодой полный мужчина в оранжевых трусах. Голову он прикрыл пестрым беретом, на плечи накинул белое мохнатое полотенце. На расстеленном рядом пиджаке лежали фотоаппарат и маленький термос.

Это был Гарольд Лидсней – американский журналист.

Его появление в числе туристов было неожиданным для них самих и стало известным только на борту парохода, на котором они прибыли в СССР. Корреспонденции Лидснея о пребывании в Советском Союзе регулярно появлялись в одном из крупных американских еженедельников, но все эти корреспонденции были заполнены главным образом описанием маршрутов, подробностями поездок, пейзажей и условий «сервиса». В этих корреспонденциях почти

не упоминалось о самом главном: о жизни советских людей, о мирном строительстве во всех уголках страны, о том радушии, с которым всюду принимали гостей из-за океана.

Это было непонятно и даже обидно для многих членов иностранной делегации, особенно для тех, чьи статьи, очерки, заметки были полны описаний встреч с советскими людьми, их высказываний о мире, о дружбе.

Однако руководитель делегации, президент одного из крупных газетных агентств, не считал нужным вступать в какие-либо переговоры и объяснения с Лидснеем. Умный, осторожный человек, совершивший уже не одну поездку в страны Европы, он не без основания предполагал, что журналистская деятельность не является единственной и главной для Гарольда Лидснея и что, пожалуй, с таким, как Лидсней, не стоит связываться, не стоит портить отношений.

Сам Гарольд Лидсней держался независимо, в приятельские отношения со своими соотечественниками не вступал, только наблюдал за ними из-под больших, в золотой оправе, очков. А они отвечали ему официальной учтивостью, за которой прятали отчужденность, а некоторые даже неприязнь. С ним старались меньше сталкиваться и реже разговаривать.

Так было и сегодня. Все члены делегации расположились на пляже вместе, рядом, обменивались впечатлениями, перебрасывались шутливыми репликами. А Лидсней устроился поодаль, в одиночестве, и молча наблюдал за всем, что происходит вокруг.

Обычно молчаливый, угрюмый, с едва уловимым выражением брезгливости на крупном мясистом лице, Лидсней оживлялся и делался разговорчивым только тогда, когда сталкивался с кем-либо из советских граждан. Он задавал множество самых разнообразных и неожиданных вопросов, поясняя обычно, что его, иностранного журналиста, очень интересует жизнь и быт Советской страны. «Он восхищен успехами СССР и стремится, по мере сил, объективно и правдиво описывать все, что видит и слышит». Толстый блокнот журналиста был всегда заполнен цифрами, фактами, фамилиями и значками стенографических записей.

Но не только один Гарольд Лидсней предпочитал сегодня одиночество. Неподалеку от живописной группы иностранцев, в тени деревьев, растянувшись на полотняных шезлонгах, в стороне от шумливых «пляжников» отдыхали выздоравливающие больные из хирургического отделения городской больницы Джим Хепвуд и Прохор Тимофеевич Расторгуев. Блаженно посасывая короткую трубку, старый кочегар дремал, а Джим задумчиво, не отрываясь, смотрел в бескрайнюю голубую даль моря. Иногда на его лицо набегала тень, белесые брови хмурились, на щеках выступали желваки... Очевидно, нерадостные думы волновали выздоравливающего иностранного моряка.

...По пляжу медленно шли двое: чуть сторбленный мужчина средних лет, плотного телосложения, ничем не примечательной внешности, в просторном парусиновом костюме, широкополой соломенной шляпе и больших темных очках. Рядом с мужчиной, легко ступая босыми ногами по гальке, шла миловидная беловолосая девушка лет 20–22, в шелковом голубом платье.

Оба они выглядели новичками среди бронзовых «ветеранов» черноморского пляжа. Так оно и было на самом деле: только ранним утром приехали и остановились на частной квартире Владимир Петрович Сергиевский и его дочь Татьяна.

На окружающих Сергиевский производил впечатление усталого и чем-то недовольного человека, брюзги и ворчуна. Таня трогательно заботилась об отце, старалась развлекать его и почти не оставляла одного. Так было в поезде, так было и по приезде суда. Вот и сейчас она искала место, где можно было бы укрыть отца от чрезмерных щедрот южного солнца. Увы, таких мест почти не было. Солнечные лучи забирались в самые укромные уголки, и весь пляж был похож на большую обнаженную ладонь.

Осторожно обходя лежавших у моря людей, Сергиевские медленно шли вперед. Внезапно Таня остановилась и показала отцу на шезлонги хирургического отделения. Здесь дей-

ствительно была тень. Кроны невысоких деревьев, подступивших к самому пляжу, создавали искусственный шатер, задерживали поток неумолимых солнечных лучей.

– Сюда, папа! – Таня взяла под руку отца, и они торопливо пошли к облюбованному месту. Дежурная медицинская сестра любезно разрешила воспользоваться запасным шезлонгом, и через несколько минут Владимир Петрович устраивался отдыхать. Он снял шляпу, вытер вспотевший лоб, однако очков не снял. Таня объяснила сестре, что у отца больные глаза, а здесь, даже в тени, чересчур светло и солнечно.

Скоро Владимир Петрович остался один. Таня, сбросив платье и оставшись в купальном костюме, умчалась к морю.

– Дочка-то одна? – поинтересовался Прохор Тимофеевич.

Общительный старик любил поговорить и был рад новому соседу.

– Одна! – ответил Владимир Петрович, не поворачивая головы.

– Учится?

– Да, студентка.

– И, видать, – заботливая...

– Да, очень.

– Ишь, как стрекоза, скачет... Обрадовалась морю, соскучилась... Небось, из Москвы?

– Из Москвы. – Владимир Петрович обернулся к собеседнику и поинтересовался:

– А вы здешний?

– Здешний. Кочегаром на пароходе «Дружба» хожу, – словоохотливо отозвался Прохор Тимофеевич. – Да только уж второй месяц, как кочегарку на больничную койку сменял. Все из-за нее, проклятой. – Он показал на свою забинтованную руку. – Валяемся вот с иностранным товарищем, с Джимом, балакаем полегоньку, кто в лес, кто по дрова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.